

СИЛА
МЫСЛИ

ДЬЁРДЬ
ЛУКАЧ

РОБЕРТ
ШТАЙГЕРВАЛЬД

10 ЗАПОВЕДЕЙ
МАРКСА

Сила мысли

Дьёрдь Лукач

10 заповедей Маркса

«Алисторус»

УДК 141.821/822
ББК 87.3(2)53-592.1

Лукач Д.

10 заповедей Маркса / Д. Лукач — «Алисторус», — (Сила мысли)

ISBN 978-5-00269-440-2

Роберт Штайгервальд (1925–2016) — немецкий философ, один из самых видных представителей современного марксизма. Проблема нашей эпохи, считает Штайгервальд, в том, что «на стороне господ школа, армия, церковь, радио, телевидение, пресса; с их помощью они доводят (или не доводят) до нашего сведения то, что считают нужным». Таким образом, мировоззренческие вопросы приобретают жизненно важный характер: «они должны дать верные ориентиры для действия, чтобы перевернуть эти порядки и обратить в свою пользу». Исходя из этого, Штайгервальд разбирает основные положения («заповеди») Маркса, переводя философские положения на общепонятный язык и дополняя их многочисленными примерами. В книге представлены также размышления другого известного философа — Д. Лукача (1885–1971), одной из ключевых фигур западного марксизма.

УДК 141.821/822
ББК 87.3(2)53-592.1

ISBN 978-5-00269-440-2

© Лукач Д.
© Алисторус

Содержание

Роберт Штайгервальд. 10 заповедей Маркса	6
Введение	6
Бог – творение человека	8
Природа первична, дух – вторичен	14
Мир объективен и познаваем	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дьёрдь Лукач, Роберт Штайгервальд

10 заповедей Маркса

© Штайгервальд Р., Лукач Д., правообладатели, 2026

© Земляной С. Н., Агальцева Г. П., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Роберт Штайгервальд. 10 заповедей Маркса

Введение

Каждый день мы так или иначе сталкиваемся с окружающим нас миром. Работая, мы имеем дело также и с людьми. В школе мы докучаем себе и учителям вопросами, относящимися и не имеющими отношения к учебе, а потом спрашиваем себя: собственно говоря, какой же смысл во всем этом? А разве нельзя все это изменить? Обречены ли мы всегда оставаться лишь винтиками в громадной машине мира? Так неизменно и будет, что «человек предполагает, а бог (или кто-нибудь еще) располагает»? На самом ли деле те, кто «там, наверху», творят все, что пожелают?

С другой стороны, имеет ли смысл вообще забивать себе голову ерундой? Не лучше ли держаться от всего этого подальше? Но потом встает еще один вопрос: зачем мы живем? Имеет ли это какой-нибудь смысл? Если имеет, то какой? Те ли правы, кто говорит о любви к ближнему, или те, кто заявляет, что все это вздор, а своя рубашка ближе к телу? Или те, кто вещает: «Маленькое – но мое»; «Желай по силам, тянись по достатку»? Или такие, чья мудрость – «Тише едешь, дальше будешь»; «Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше»?

В названных вопросах и ответах – а в самом деле их гораздо больше – как раз и выражаются некоторые установки, позиции по отношению к миру, то есть мировоззренческие принципы (даже если тот, кто высказывает эти вопросы и ответы, и не подозревает об этом).

Совсем безразлично, какие у человека мировоззренческие установки. Возьмем такой пример: марксисты, опираясь на науку, считают, что в нашем мире происходит постоянный процесс становления и исчезновения. Таким образом, мы знаем, в частности, что социальная действительность, иначе говоря, капиталистическое общество, в условиях которого мы живем, возникнув в определенный исторический период, не будет существовать вечно. Как отнесутся к такой постановке вопроса те, кто стоит у руля в нашей стране, то есть капиталисты? По душе ли им будет такое мировоззрение? Конечно, не по душе, ибо в противном случае им пришлось бы согласиться с тем, что они погибнут под колесами истории. Следовательно, они станут распространять совершенно другое мировоззрение, примерно такое: люди по натуре своей плохи, поэтому плохо и все ими содеянное. Так зачем же что-нибудь изменять? Ведь новое будет по меньшей мере несколько не лучше, чем старое.

У этой колыбельной песни, которой господа искони убаюкивают угнетенных, пытаясь погасить их протест против угнетения, бывают разные мотивы и всякий раз соответственно меняются слова. Но конечный смысл такого рода мировоззрения всегда сводился к проповеди, обращенной к массам: эй, вы там, внизу, оставьте все ваши надежды!

Напротив, представители «нижних» миллионов в борьбе против «верхних» десяти тысяч издавна развивали иные формы мировоззрения. Они снова и снова избирали в качестве аргумента историю. «Когда Адам пахал, а Ева пряла, где были дворяне?» – спрашивали в 1525 году восставшие немецкие крестьяне. «Верхние» десять тысяч живут лишь благодаря труду «нижних» миллионов: «Труженик, творец, воспрянь! На свою на силу глянь: лишь захочешь – в миг один остановишь ход машин». Эти стихи сочинил в прошлом веке Георг Гервег, поэт рабочего движения. А когда речь заходила о великих людях, которым мы будто бы обязаны всем на свете, они (вместе с Бертольтом Брехтом) спрашивали: «Кто построил семивратные Фивы: царь или его рабы?»...

* * *

Одним словом, в политическом плане мировоззренческие вопросы представляют собой все, что угодно, но не второстепенное дело. У господствующих классов есть радио и телевизионные станции, крупные газеты. А с их помощью они делают все, чтобы как можно больше заморочить нам голову. Нам позволено знать, какой никудышный сынок у того или иного миллионера, какая кинозвезда и с кем именно сегодня гуляет; кто, кому и каким ножом перерезал горло.

На стороне господ уйма денег, на которые они могут купить все, что угодно. Школа, армия, церковь, радио, телевидение, пресса доводят (или не доводят) до нашего сведения то, что они считают нужным. Они оплачивают услуги редакторов, а кто платит за оркестр – тот и заказывает музыку. На стороне господ в большинстве случаев стоят также суды, полиция, армия. Но нас зато много, очень много. Однако что толку от этого? Что мы имеем в своих руках? Кажется, что ничего. И все-таки, если бы миллионы трудящихся пришли к одинаковым убеждениям, если бы они усвоили одно мировоззрение, соответствующее действительному состоянию мира и его развитию, то есть верное мировоззрение, а поэтому дающее верные ориентиры для действия, – если бы, осознав свои справедливые требования, они еще и сплотились бы воедино, им под силу было бы перевернуть эти порядки и обратить все в свою пользу.

Вот теперь мы на верном пути. Надо помочь массам, «нижним» миллионам осознать свое положение. Надо помочь им уяснить их собственные интересы, то есть разобраться в мировоззренческих вопросах. Тогда миллионы наконец станут сильнее миллионеров. И эту работу за нас, марксистов, не сделает никто: ни (буржуазная) школа, ни (буржуазная) пресса и т. д. С этой целью и написана данная книга.

Бог – творение человека

Одни люди задаются вопросом, с каких пор на нашей Земле существует жизнь, когда появился человек. Другим не дает покоя проблема, как долго существуют Земля и Солнце. Как обстоит дело с Солнцем? Кто его создал? Пожалуй, каждого из нас хотя бы однажды занимал этот вопрос.

На этот вопрос религия и определенное направление философии отвечают иначе, чем мы, марксисты.

Здесь нам надо первым делом объяснить одно иностранное слово, с которым, вы, читатель, может быть, уже встречались или наверняка еще встретитесь. Я имею в виду слово «философ» или «философия». Оно пришло из древнегреческого языка. Буквально оно означает «любовь к мудрости» или «любитель мудрости». Возможно, среди вас найдется девушка по имени Софья. «София» – значит «мудрость» или «мудрая». А словечко «филео», которое присутствует во многих иностранных словах, означает «люблю» в смысле сильной заинтересованности чем-то.

Но не является ли каждый из нас, по крайней мере временами, другом мудрости, стремящимся к знанию? Тогда получается, что каждый из нас – философ, даже тот, кто не подозревает об этом.

В известном смысле так оно и есть. Философы – это не только люди, которые ведут замкнутый образ жизни и говорят непонятные речи. Всякий человек, который хочет знать чуточку больше того, что мы усваиваем непроизвольно, кто стремится заглянуть за кулисы мира, кто хочет знать, что скрепляет этот мир изнутри, чем обусловлены постоянное становление и исчезновение, ставит мировоззренческие, философские вопросы. Рано или поздно их ставит каждый из нас.

Кто хоть раз не спрашивал себя: существует ли этот мир вечно, или же он сотворен богом? Способны ли мы действительно познать мир и воздействовать на него? Происходит ли все только по воле случая или же по каким-то законам? Под силу ли нам, людям, изменять условия своей жизни? Кто ставит такие вопросы и определенным образом на них отвечает, тот начинает философствовать.

Митинг в поддержку Коммунистической партии Германии, 1950-е годы. Роберт Штайгервальд родился 24 марта 1925 года во Франкфурте-на-Майне. С 1943 по 1945 год проходил трудовую службу в Рейхе и военную службу в качестве пилота Люфтваффе. После войны изучал историю, немецкий язык и философию. Был редактором молодёжного радио Франкфуртского радио и автором радиопостановок. Вступил в возрождённую Коммунистическую партию Германии и стал одним из теоретических вдохновителей партии.

* * *

Итак, было сказано, что на вопрос о том, кто создал наш мир, имеется ответ, который дает религия и одно известное направление в философии. Как звучит этот ответ? Примерно так: вначале бог носился над бездной и сотворил из нее небо и землю.

У простого народа создавалось впечатление, что бог – это престарелый, необычайно сильный мужчина с окладистой бородой. Образованным же людям последователи упомянутой философии преподносят это положение на другой лад. Им известно, что может возникнуть вопрос: позвольте, а кто, собственно, сотворил самого пожилого мужчину с окладистой бородой, который якобы создал мир? Уж тот-то некто, наверное, был всегда? Короче говоря, для тех, кто мог бы задавать подобные вопросы, названные философы имеют наготове более «тонкий» ответ.

Что же они говорят? Этого бога, эту изначальную основу мира нельзя представлять себе так телесно. Бог есть нечто чисто духовное, некая чисто духовная сила. Она-то и создала мир. И они поясняют: штука со старым мужчиной была придумана тогда, когда люди еще не умели мыслить научно. Тогда они за всем, что происходило, усматривали действие личностей, богов, которых они могли представить себе только как громадных и необыкновенно сильных, как правило, весьма достойных старых людей (по большей части в образе мужчин). А сегодня, утверждает это философское направление, можно отказаться от столь ненаучного очеловечивания природных процессов. Мы, говорят они, исходим не из того, что первооснова мира является чем-то вроде сверхчеловека, а видим в ней некую особенно могучую духовную силу. В религии эта сила называется богом, мы же, философы, предпочитаем другое понятие. Для нас понятие «бог» слишком очеловечено, слишком ненаучно. Мы охотнее употребляем понятие «дух» или, если использовать иностранное слово, понятие «идея».

И далее они говорят: подобно тому как нельзя ни увидеть, ни понюхать, ни попробовать на вкус или на ощупь мысль, точно так же нельзя этого сделать и с чисто духовной силой, из которой происходит мир со всеми его солнцами и землями, со всей его жизнью. Эту духовную силу не следует представлять себе как гигантского человека, вообще как тело. Напротив, она является «идеей».

Здесь опять надо объяснить иностранный термин. Слово «идея» тоже пришло из древнегреческого языка. Там оно обозначает явление, образ, картину. Вы сами видите, что оно служит камнем преткновения для философов, о которых идет речь. Дух невозможно узреть. Но для его обозначения они выбирают слово, которое означает «картина». Доводилось ли вам хоть раз видеть картину, которую невозможно увидеть?

Давайте поставим вопрос: а как, собственно, могла зародиться мысль, что мир создан всемогущим богом или всемогущим духом?

Здесь нужно сказать несколько слов о религии. Слово «религия» латинского происхождения. Буквальный перевод – привязываю, связываю, – не слишком помогает понять суть явления, о котором мы толкуем. Имеется в виду «связывание», «соединение», вплетение человека в некоторый более великий, более высокий порядок, определенный богами или богом. Возникновение религии обусловлено целым рядом причин. Мы хотим остановиться на важнейших.

В отдаленнейшие времена, когда появились люди, у них не было никакой возможности раздумывать над вопросом, откуда взялся мир. Представим себе первобытных людей. Они были в постоянном страхе и заботах о том, где и как раздобыть что-нибудь поесть и во что «одеться», как уберечься от хищников и от непогоды. С утра до вечера они вели жестокую борьбу за существование. Эпидемии, болезни свирепствовали между ними. Первобытные люди не знали оружия, которое позволяло бы им охотиться за быстроногими животными. В древнейшую эпоху существования человека не был приручен и огонь. Следовательно, времени на мудрствования и размышления о вопросах вроде: «Откуда взялся мир»? – в ту пору у людей не было. Поэтому тогда не существовало ни религии, ни философии или чего-либо им подобного.

Однако со временем благодаря совершенствованию оружия, орудий труда условия жизни людей улучшались. Они могли выгадывать немного времени и больше размышлять о себе самих, об условиях своей жизни. Совершенно естественно они пришли примерно к таким воззрениям.

1. Мы видим сны. В сновидении мы можем встретиться с людьми или животными, которые давно уже умерли. Во сне мне может казаться, что я нахожусь совершенно в другом месте, чем мое тело. Не значит ли это, что в теле человека есть нечто, что может отделиться от него и, к примеру, пережить его смерть? Так возникло представление о том, что в нашем теле присутствует душа, что она остается жить после смерти нашего тела. Предполагалось, что душа является существующей в нас.

Впрочем, не следует забывать о том, что разделение труда увеличивает его эффективность. Это относится и к разделению труда на умственный и физический. Оно значительно ускорило общественное развитие. Но вместе с тем утвердилось мнение, что идея важнее, чем грубая работа. А оно создает почву для распространения определенного мировоззрения: человек ведь сам создает свою жизненную среду, значит, думали люди, точно так же сотворен и мир. Просто мир намного больше, поэтому его творец представлялся в виде особенно громадного и сильного человека.

Подобный образ мыслей может быть изложен и в более тонкой форме: раз созданию вещей предшествует духовная работа, раз духовная работа является более высокой формой труда, то и мир, стало быть, создает духовная сила, идея.

Вот так совершенно естественно возникает мировоззрение, согласно которому решающее значение имеет духовное, идеальное начало (идеализм).

Но существует еще совершенно другой ответ на вопрос о происхождении нашего мира. Об этом мы и поговорим сейчас еще раз. Мы уже познакомились с термином «философия». Философы – это люди, которые занимаются всем на свете: солнцем, луной и звездами, действительной жизнью и мнимой жизнью после смерти, историей, государством – словом, всем, что существует, а нередко и вещами, которых не существует. От этого у человека, который хочет заняться философией, голова может пойти кругом. Возможно, он скажет в сердцах словами из гётевского «Фауста»: «Час от часу не легче мне, и словно голова в огне».

Неужели нет ничего такого, обладающего таинственной жизненной силой, то есть представляющего собой нашу подлинную сущность? А когда мы умираем, то с последним вздохом эта сущность отлетает из нашего тела. И если тело умирает, то душа эта остается жить. Поэтому в сновидениях нам могут являться не умершие души покойных. Наша душа – нечто более важное, чем наше тело.

2. Таким образом возникло представление о бессмертной душе. Напрашивается вопрос: а где обитает душа после смерти нашего тела? Во всяком случае, в каком-то другом мире, чем наш. В ходе человеческой истории произошло нечто чрезвычайно важное (о причинах этого процесса я скажу позже): в обществе образовались высшестоящие и низшестоящие группы людей. Жизнь высшестоящих представлялась не только более благой, но и более благо-

получной. Люди все больше связывали этот высший жизненный уклад с духовным началом. Ибо умственная работа легче, чем грубый, мучительный физический труд. Но она, умственная работа, была привилегией господ. Словом, она представлялась более важной, чем физическая. И что же из этого получилось? А то, что местом, где якобы находятся после смерти наши духовные силы, стали считать «небеса», вознесенное над людьми царство духов.

3. Когда мы рубим дерево, оно трещит и стонет. Надо полагать, люди наделяли природу своей собственной способностью ощущать: не ощущает ли дерево боль? Нет ли у него души, как и у нас? Раз духовное сильнее, чем телесное, то не будет ли мстить нам дух срубленного дерева или убитого на охоте зверя? Отсюда недалеко и до обобщения этой мысли: молния, падающий с неба огонь и раскатывающийся вслед за тем грозный голос природы обожествлялись так же, как и другие природные процессы. Люди стали мыслить природу наделенной жизнью, одушевленной. А поскольку душа казалась древним людям более важной, чем тело, то, по их мнению, и в природе все обстояло точно так же. В соответствии с этим взглядом более важно не само дерево, а его дух.

4. К этому добавляется очень важный опыт людей: своим трудом они превращают природные вещи в полезные для себя предметы. Прежде чем приступить к работе, мы сначала обдумываем ее. Мы возводим дом в уме, прежде чем строить его. В этом тоже ищут доказательство того, что духовное имеет преимущество над телесным. А почему так не должно быть в природе? Почему эта таинственная духовная сила, скрывающаяся во всех природных вещах и за ними, не может быть тем, что поистине «обрабатывает» и целесообразно формирует всю природу, подобно нашему духу в процессе труда?

Но что происходит, когда мы формулируем эту мысль? Человек переносит на всю природу свою собственную роль изобретателя, работника, который изменяет природу сообразно своим планам и целям. Так возникает представление о некоем действующем за природой (духовном) строителе и творце мира.

5. Однако эта таинственная сила, этот творец природы относится к нам то хорошо, то плохо – в зависимости от обстоятельств, от того, видимо, насколько мы портим ему дело. В точности узнать это нам не дано. Нам остается лишь просить это божественное существо быть милосердным к нам. А как нам его благожелательно настроить? Наверное, так же, как мы располагаем к себе наших соседей, когда навещаем их. Что мы делаем, когда приходим к ним? Мы изъявляем свои мирные намерения. Мы показываем им, что хотим жить в дружбе с ними. Более того, мы приносим им подарки, и, конечно, такие, которым они рады. Лучше всего что-нибудь из съестного, еды ведь всегда в обрез. Почему бы нам не дать чего-нибудь поесть и природным духам? Кусок мяса, например. Принесем им в жертву животное или даже человека, ребенка или пленного!

Все это – иллюстрация к тому, как из жизненных условий первобытных людей, их незнания самих себя и природы возникают религиозные представления.

6. Историческое развитие человека шло вперед. Со временем сложилось такое положение, когда человек стал производить сначала немного, а потом в возрастающей степени больше того, что нужно было непосредственно для поддержания его физического существования.

Это имело огромные последствия для всего дальнейшего развития человечества. Если человек производит больше, чем безусловно нужно для поддержания его собственной жизни, то трудом всех может быть произведен излишек. Что с ним делать? Можно, например, совершить некий отбор. Все вы знаете таких ребят из вашего класса или группы, которые понимают что-нибудь лучше, чем остальные. Так было и тогда. У одного зорче были глаза, он лучше разгадывал следы. Другой быстрее бегал, третий был сильнее в борьбе и т. д. Отсюда можно было действовать так. Ты, следопыт, освобождаешься от определенных работ, но должен читать следы для всего племени. За твою работу для общины она выделит тебе долю из избытка, чтобы ты мог жить и заниматься своим особым поручением, не тратя время на другие дела.

Так появились особые выделившиеся из общности группы. Они непременно работали на общину, но уже не обязательно в смысле тяжелого физического труда. Были такие, которые наблюдали за небом. Они обязаны были следить за погодой. Разумеется, это было очень важно для племени. Ведь все его планы зависели от того, пойдет дождь или нет. Если погода плохая, то труднее охотиться – сложнее распутывать следы и т. д. Из числа этих созерцателей неба вышли первые священнослужители. Этим работникам скорее умственного, чем физического труда обязана своими самыми первыми зачатками современная наука.

7. Однако все это лишь одно из великих последствий того факта, что люди постепенно стали производить своими руками больше, чем нужно было непосредственно для поддержания их существования. Другим, чрезвычайно важным последствием, с которым мы имеем дело вплоть до сегодняшнего дня, было следующее.

Если один человек может производить больше, чем безусловно необходимо ему самому, то может случиться, что другой человек отберет у него этот излишек и станет жить им, то есть за счет труда другого. Это присвоение произведенного излишка, прибавочного продукта рабочего другим человеком, который не трудится сам, а живет таким прибавочным продуктом, марксизм называет эксплуатацией.

Эксплуатация возникла много тысяч лет назад. Из вождей племени, священнослужителей и другой знати образовался класс людей, которые жили за счет прибавочного продукта, созданного прочими членами племени.

Но какое отношение это имеет к религии? Господствующие слои сделали духовный труд своей привилегией. Известную роль при ее обосновании играло и представление, будто духи имеют свое пристанище на небесах, наверху (!). Господа говорили угнетенным, будто мир по необходимости устроен так, что существуют вожди и подчиненные, высшие и низшие, господа и угнетенные. Укреплению их господства служил взгляд, что царь является сыном бога или богини. А значит, посягательство на царя становилось посягательством на бога, навлекавшим страшные кары.

* * *

Вот так с вышеназванными условиями соединились мощные общественные стимулы, а в совокупности все это и привело к возникновению религии. Господствующие слои скоро поняли свой интерес и поставили религию на службу ему: им весьма выгодно было проповедовать, что в бедах, лишениях рабов, эксплуатируемых повинен неисповедимый естественный рок, что не стоит противиться ему, а надо покориться своей судьбе и молиться богу.

Разве не выгодно было господам внушать беднякам: этот мир не столь уж важен? Намного важнее, говорили они, другой мир – бестелесный мир душ: «Там вам воздастся за лишения в этом мире. Вы попадете на небо». В Библии нашел выражение и протест угнетенных против угнетателей. Но он зачастую направлен по ложному пути. Скорее верблюд пройдет сквозь игольное ушко, говорится в ней, чем богатый попадет на небеса. И бедняки всю жизнь не покладая рук работали с мыслью о том, что им уготована счастливая вечность в небесной стране душ, в то время как богатые будут мучиться в адском огне. Разве это не тонкий трюк?

А теперь подумайте вот о чем. Священнослужители, прорицатели будущего, первые врачи и исцелители, короче говоря, те, кого мы сегодня называем интеллигентами, – на чьей стороне они неизбежно стояли тогда, раз они располагали средствами к жизни, а своими руками не производили их? Интеллигенты поневоле стояли на стороне угнетателей. Ради сохранения отношений, при которых они, как и их могущественные заказчики, пользовались привилегиями, они распространяли соответствующее мировоззрение. И какое же мировоззрение было для них предпочтительнее? Исходя из всего сказанного, ответ может быть только один.

Угнетатели и состоящие у них на службе интеллигенты занимались преимущественно умственной деятельностью. Не следует ли из этого, что они были убеждены, что духовный труд важнее, чем физический? Нельзя сказать, чтобы такая точка зрения была совершенно лишена основания: кто пытается взять дело нахрапом, обычно ничего не добивается.

Прежде чем приступить к работе, надо пошевелить мозгами и составить себе какой-то план, какую-то идею. Надо найти то, что облегчило бы ориентировку в этом сбивающем с толку многообразии.

Действительно, такой ориентир есть. Вопрос о нем является одной из самых важных философских проблем. Фридрих Энгельс, друг Карла Маркса, вместе с ним создавший учение научного социализма, назвал его основным вопросом философии. Теперь после всего того, что мы обсудили, можно понять этот вопрос. Я изложу его своими словами.

Природа первична, дух – вторичен

В философии в конечном счете речь всегда идет о том, чтобы ответить на вопрос: в каком отношении находятся друг к другу природа и дух, бытие и сознание? Что из чего развивается? Что первично – природа или Дух?

В зависимости от того, какой ответ дается на этот вопрос, философы распадаются на два больших лагеря. В одном лагере утверждают: вначале была природа. В процессе развития природы возникли живые существа. В процессе развития жизни возникли люди. Люди развили свое сознание, свой дух, выработали идеи. Другого рода духовного, идеального вообще не существует. Философское направление, которое говорит, что вначале была природа, или материя (а это лишь иное слово для обозначения того же самого), и что дух, идея происходят из нее, мы называем материализмом. Материя – понятие философское. С его помощью обозначается то, что находится вне нашего сознания и независимо от него – например, природа, – то, что воздействует на наши органы чувств и таким образом вступает в наше сознание.

В другом же лагере группируются философы, которые говорят, что вначале был дух, что дух является творцом мира. Все те, кто считает первоначальным дух, идею, образуют лагерь идеализма.

Все религии принадлежат к лагерю идеалистического мировоззрения. Все они исходят из того, что вначале была духовная сущность, которая сотворила мир из ничего. Различие между религиозной и философской разновидностями идеалистического мировоззрения состоит лишь в том, что там, где религия очеловечивает вещи (бог – гигантский человек), идеалистическая философия употребляет понятия «дух», «идея» и т. п.

Таким образом, материалисты – это люди, полагающие, что природа первична и что дух развился из природы, а именно в форме человеческого сознания. Идеалисты же, напротив, считают, что мир создан духом.

Ничего другого термины «материалист» и «идеалист» в философии не выражают. Но кто-нибудь может сказать: всюду слышишь, что быть идеалистом – значит иметь великие идеалы и выступать за них, что материализм, напротив, – это низменный образ мыслей, в соответствии с которым важно только удовлетворить свою алчность, получить земные наслаждения и т. д.

Присмотритесь, здесь перед вами разительный пример лжи и лицемерия в идейной борьбе классов. Великие философы-материалисты прошлого почти всегда подвергались преследованиям со стороны господствующих классов и их церкви, их сжигали на кострах как еретиков. Или подумаем о коммунистах, приверженцах материалистического учения в нашем столетии. Их преследовали, бросали в концентрационные лагеря, в тюрьмы. Разве не шли на смерть за свои убеждения наши товарищи в Чили или во Вьетнаме? Не показывает ли это, что корыстолюбие чуждо сторонникам материалистического мировоззрения? Для них характерно прежде всего знание, что ответственность за войны, за нищету и нужду в этом мире несут не какие-то темные силы природы, не какая-то роковая судьба, а что дело здесь во вполне «земных» классовых интересах. Из этого знания следует, что надо бороться против могущественного класса эксплуататоров и угнетателей. Но такая борьба неизбежно сопряжена с жертвами и лишениями.

Таким образом, все обстоит как раз наоборот: если бы материалисты были корыстными, им надо было бы держаться сильных мира сего, чтобы иметь от них что-нибудь.

А теперь взгляните, какую позицию занимают в политических битвах представители идеалистической философии? На чьей стороне стоят те, кто втолковывает нам, что духовное важнее, чем материальное богатство. Взять, к примеру, церковь. Разве не стоит она на стороне богатых, власть имущих? Где и когда церковь как единая организация участвовала в революции вместе с угнетенными и эксплуатируемыми против богатых и власть имущих?

Ф. Энгельс говорил: благонамеренные буржуа понимают под материализмом обжорство, пьянство, похоть, плотские наслаждения и тщеславие, корыстолюбие, скупость, алчность, погоню за барышом и биржевые плутни, короче – все те грязные пороки, которым они сами предаются. А идеализм они превозносят как веру в добродетель, во всеобщую человеческую любовь и вообще в «лучший мир». Но они лишь кричат о нем перед всеми. На самом же деле они в него не верят. Естественно, существуют и исключения. О них я еще буду говорить.

Весьма вероятно, что тот или иной читатель спросит: а разве представителям идеалистического мировоззрения нечего возразить вам, марксистам, когда вы ставите основной вопрос философии и материалистически на него отвечаете? Конечно, возражения у них есть. Они говорят, например: мы можем признать вместе с вами, материалистами, что вне человеческого духа и независимо от него существует мир. Но мы принимаем, продолжают они, что этот мир возник благодаря творческому акту некоего внечеловеческого духа. Марксистов, по их мнению, надо критиковать за то, что они допускают существование только человеческого духа и не признают существования духа, находящегося вне мира.

Известный католический богослов, член ордена иезуитов Г. Веттер говорит: вполне можно допустить вместе с вами, марксистами, независимое от нашего сознания бытие внешнего мира. Но при этом нужно придерживаться той точки зрения, что «природу сотворил сверхмировой дух». Марксизм, по его словам, совершает «мошенничество», отождествляя бытие вне человеческого сознания с природой, материей. Если помимо человеческого сознания существует еще сверхчеловеческий, объективный дух, то и мир вне нас не является сугубо материальным. (Важно запомнить, что в философии понятие «объективное» означает то, что существует вне и независимо от нашего сознания.)

* * *

Итак, Г. Веттер и ряд других философов являются приверженцами такого варианта идеалистического мировоззрения, который исходит из наличия объективного духа. Если бы этот объективный дух существовал, то веттеровская критика марксизма была бы справедливой. Однако непоколебимый логический принцип гласит: тот, кто оспаривает наличие некоторой вещи, не должен доказывать ее бытие, а вот тот, кто нечто утверждает, должен чем-то это доказать. Все философы-материалисты оспаривают наличие некоего внемирового (объективного) духа. Теологи же утверждают его существование. Следовательно, они и должны доказать, что вне мировой дух существует. Ссылка на «предположения», которых можно «придерживаться», не является доказательством. Ведь в соответствии с нашими желаниями или фантазиями мы можем «предположить» все, что угодно, а потом «стоять» на этом. Но от того только, что я «предполагаю» наличие у себя тысячи марок, я их еще не имею в действительности. Все дело в том, можно ли доказать и доказуемо ли вообще существование внечеловеческого (объективного) духа. И здесь сам Г. Веттер вынужден признать, имея в виду представителей естественных наук: «...по решающему вопросу: существует ли вне материи еще и нематериальная действительность, – они вообще не высказываются». Но если естественные науки не подтверждают существования объективного духа, то нет основания вводить его в нашу мировоззренческую дискуссию.

Г. Веттер говорит и о том, почему невозможно научно доказать существование внечеловеческого сознания. Такое сознание, такой дух должен был бы быть вечной сущностью. Но что значит «вечный»? Любая попытка прояснить этот вопрос должна исходить из весьма «посюсторонних», мирских процессов возникновения и исчезновения отдельных вещей и явлений. Представление о вечности возникает в нашем сознании следующим образом. Мы отправляемся от вещей и явлений нашего мира. Мы наблюдаем их непрерывное становление и исчезновение. Это наблюдение связывается у нас с пониманием, что нечто не может возникнуть из

ничего (в соответствии с неопровержимо доказанным законом сохранения, то есть несотворимости и неуничтожимости массы и энергии). Следовательно, мы с полным научным основанием можем утверждать: вечен мир в своем становлении и исчезновении, мир и ничто другое.

Единственный случай, когда мы можем сказать, что нечто является вечным, относится к миру, природе, но никак не к внемировому духу, существование которого невозможно доказать.

Религия оказывается здесь в мучительном положении. Что делать? Богословы заявляют: об этом мире мы кое-что знаем, о боге же – ничего. Но бог должен быть совершенно другим, чем человек. Если человек смертен, то бог не смертен. Я цитирую: «...этот божественный способ бытия мы можем постичь только путем отрицания соответствующего тварного способа бытия». Так написано в «Философском словаре», изданном в католическом издательстве «Гердер».

Г. Веттер, написавший немало книг против марксизма, понимает, что не решает проблемы, когда говорит обо всем том, чем бог не является: он не смертен, не пространствен и т. д. При этом он делает такой трюк – вместо «не» он ставит «сверх». Я цитирую: «Вечность бога» – это сверхвременной способ бытия... вообще не имеющий ничего (!) общего с временной длительностью и последовательностью моментов, с возникновением и исчезновением». Таким образом, и Г. Веттер упирается в... ничто. Он определяет вещь через то, что она не есть. Наука о правильном мышлении, логика, называет это «негативным определением», то есть объяснением через отрицание, и зачисляет его в ряд грубых ошибок мышления.

Допустим, мне надо рассказать человеку, который никогда не видел собаку и ничего не слышал об этом животном, о том, что такое собака. И если я говорю ему: «Собака – это не кошка, не лошадь, не свинья», то я ни в малейшей степени не объясню ему, что же такое собака. Точно так же по сей день богословы говорят лишь о том, чем не являются «способ бытия бога», «вечность». Г. Веттер утверждает даже, что бог – это не только временное, но и пространственное ничто, что он есть «центр, фокус, который хотя... прост и непротяжен, но не представляет собой нечто пустое и бытийно бедное». А вот как нечто, не находящееся ни в пространстве, ни во времени, может все-таки быть в наличии как нечто, не имеющее протяженности, но тем не менее не являющееся пустым, причем об этом «нечто» можно сказать лишь то, что оно не есть – уразуметь все это – удел не знания, не логического мышления, не научного доказательства, а чисто религиозной веры. Бытие бога, вообще внемирового духа недоказуемо средствами науки, разума, логики!

Впрочем, уже Поль Гольбах (1723–1789), один из великих мыслителей, просвещавших народ в эпоху подготовки Великой французской революции 1789 года, критиковал богословов за такие ошибки в мышлении. Он писал, что «присоединяемое к природе верховное существо нелепимо и противоречит нашим достовернейшим представлениям... Можем ли мы верить в бытие существа, о котором ничего невозможно утверждать и которое представляет собой лишь грудку отрицаний всего, что мы знаем?»

Из сказанного научно мыслящий человек может сделать лишь один вывод – что бог, или внемировой дух, представляет собой пространственно-временное ничто. А существование того, чего нет ни в пространстве, ни во времени, доказать действительно нельзя.

Мир объективен и познаваем

Я уже говорил, что Ф. Энгельс сформулировал основной вопрос философии. При этом он отметил также, что основной вопрос философии имеет еще и вторую сторону, а именно: «...как относятся наши мысли об окружающем нас мире к самому этому миру? В состоянии ли наше мышление познавать действительный мир, можем ли мы в наших представлениях и понятиях о действительном мире составлять верное отражение действительности?».

Возможно, не сразу понятно, какова внутренняя взаимосвязь между вопросом о том, что первично – материя или дух, и вопросом о том, может ли наше сознание правильно отражать бытие. Чтобы уяснить эту взаимосвязь, следует вкратце остановиться на двух направлениях в идеализме. Есть субъективный и объективный идеализм. Под субъективным идеализмом подразумевают все те идеалистические школы, которые тем или иным образом возвышают сознание человека до «творца» бытия, существующего вне и независимо от него. Объективный идеализм, напротив, считает творцом мира вне мировой дух.

Субъективный идеализм кажется какой-то безумной идеей! Как человек в здравом уме может выдавать реальный мир за свою волю, свои представления, свое мышление? Чтобы понять, как тем не менее может появиться философия, кажущаяся столь странной, мы хотим здесь провести короткую дискуссию между материалистом и субъективным идеалистом.

Материалист. Я вижу дерево. Как можно усомниться в столь очевидной вещи?

Идеалист. Вы заблуждаетесь. В действительности вы имеете дело с некоторым комплексом ощущений цвета, формы и т. д. Вы только утверждаете при этом, что данным ощущениям соответствует некое «дерево».

Материалист. Но откуда же берутся мои ощущения? Ведь у них есть причина. Если бы не было никакого дерева, я не мог бы его воспринимать!

Идеалист. Допустим, что вы имеете ощущения и восприятия и что в их основе лежит какая-то причина. Но как вы намереваетесь проверить, что им соответствует? Ведь проверка все равно сведется к ощущениям. Поэтому невозможно с полной уверенностью сказать, что именно соответствует нашим ощущениям и восприятиям. Это выходит за рамки вашего опыта. Единственное, что я безусловно имею, – это мои представления, ощущения и т. д. Поэтому я с уверенностью могу утверждать лишь следующее: то, что вы считаете миром, есть только представления. Мир – не что иное, как представление.

Материалист. Итак, вы утверждаете, что о самих вещах ничего нельзя узнать, что нам известно лишь кое-что о наших ощущениях. На каком основании вы тогда вообще можете допустить существование чего-то, что находится вне ваших ощущений?

Идеалист. Строго говоря, этого действительно нельзя сделать.

Материалист. Но вы ведь спорите со мною, находящимся вне ваших восприятий. Довольно нелогично, не правда ли?..

Такова в общих чертах наша вымышленная дискуссия. Мы хотели показать, с одной стороны, на каких путях мысли может возникнуть субъективный идеализм. А с другой стороны, – и это для нас теперь важно прежде всего – следовало показать, что он необходимо ограничивает, если не отрицает познаваемость мира вне наших чувственных восприятий.

* * *

Итак, мы уяснили для себя взаимосвязь двух сторон основного вопроса философии. Впрочем, самое необходимое для опровержения этой субъективно-идеалистической концепции было сказано Ф. Энгельсом: «Самое же решительное опровержение этих, как и всех прочих, философских вывертов заключается в практике... Мы можем доказать правильность

нашего понимания данного явления природы тем, что сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям...»

– Мне теперь ясно, что субъективные идеалисты ограничивают или даже отрицают нашу способность к знанию, – говорит, наверное, скептик. – Но почему тот, кто верит, что и мир, и он сам сотворен богом, тот, кто придерживается объективно-идеалистического вида этого мировоззрения, почему он должен оспаривать познаваемость мира? Разве не может он сказать: бог сотворил нас, мой дух есть «подобие» божественного духа, поэтому не существует непреодолимых трудностей в познании мира.

Я хочу показать, что и различные школы объективного идеализма, и богословы так или иначе устанавливают какие-то запреты для нашего познания.

Для них мир – это продукт некоторого в конечном счете внемирового и изначального духа. Что это означает применительно к нашему познанию мира? Природа, ее законы, пространство, время и движение созданы тогда этим изначальным и внемировым духом. Но я действительно знаю предмет только тогда, когда точно знаю его происхождение. Следовательно, для приверженцев объективного идеализма и религии природа, ее законы, пространство, время и движение на деле могут быть познаны только тогда, когда правильно познан этот внемировой дух, или бог. Условием действительного познания мира, таким образом, является здесь действительное богопознание. Но мы установили, что такое познание бога, даже по признанию таких защитников религии, как Г. Веттер, в принципе невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.